

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОЕ
ПУШКИНСКОЕ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

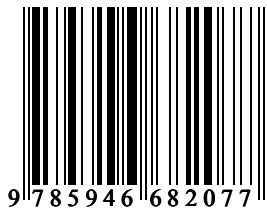
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

лец изображался «сосуд, вроде античного светильника, с высокой ручкой, изображающей не то змею, не то длинную птичью шею с головой». ⁵² В. Ф. Раевский, принадлежавший, как и Пушкин, к масонской ложе «Овидий», носил «в знак политического союза» и «дружеской связи» с близкими ему по духу офицерами железное кольцо. ⁵³

Таким образом, в пушкинской «Вакхической песне» «вакхическая» традиция XIX в. сближается со своим античным истоком, но при этом поэт не прибегает к прямой стилизации античных образов. В рамках стихотворного текста органично соединились черты современной и архаичной поэтической культуры.

А. С. Лобанова

⁵² Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. II. Кольцо Зеленой Лампы // Русская старина. 1909. № 4. С. 197.

⁵³ См.: Базанов В. Г. В. Ф. Раевский: Новые материалы. М.; Л., 1949. С. 141.

О ХРОНОЛОГИИ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Вся событийная канва романа Пушкина полностью сохранена в либретто оперы Чайковского. Но это составляет едва ли половину пушкинского текста. Что же остается за пределами действия оперы? Рассуждения по поводу? Действительно, Пушкин сообщал Дельвигу: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя» (XIII, 75).

На самом деле фабульные события в романе «Евгений Онегин» погружены в лирическую стихию. «Специфика лирики в том, — отмечает Л. Я. Гинзбург, — что человек присутствует в ней не только как автор, не только как объект изображения, но и как субъект, включенный в эстетическую структуру произведения в качестве действенного ее элемента. При этом разговор от имени лирического “я” нисколько не обязателен. Авторский монолог — это лишь предельная лирическая форма. Лирика знает разные степени удаления от монологического мира, разные способы предметной и повествовательной зашифровки авторского сознания — от масок лирического героя до всевозможных “объективных” сюжетов, персонажей, вещей, зашифровывающих лирическую личность именно с тем, чтобы

она через них просвечивала <...>. Лирическая поэзия — далеко не всегда разговор поэта о своих чувствах, но это раскрытая точка зрения, отношение лирического субъекта к вещам, оценка. Поэтическое слово непрерывно оценивает все, к чему прикасается, — это слово с проявленной ценностью».¹

Прежде всего, на лирическом уровне предполагался контакт между автором и читателем: «И чье-нибудь он <звук> сердце тронет, / И, сохраненная судьбой, / Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной...» (VI, 49). В «Евгении Онегине» все изображенное тотчас обсуждается с читателем: «За что ж виновнее Татьяна?...» (VI, 62); «Вы согласитесь, мой читатель, / Что очень мило поступил / С печальной Таней наш приятель...» (VI, 80); «Друзья мои, вам жаль поэта?» (VI, 132) и т. п.

Контакт с дружественным читателем у Пушкина закончился в конце 1820-х гг. Именно поэтому на рубеже 1830-х гг. роман должен был оборваться.

Решение кончить роман на девятой главе фиксируется автором 26 сентября 1830 г., когда Пушкин записывает общий план (оглавление) (см.: ПД 167). Роман делился на три части, в каждой из которых содержалось по три «Песни».

Но онегинский замысел продолжал волновать Пушкина. В черновиках «Метели» 19 октября появится помета «сожж.<ена> X песнь» (ПД 997, л. 28). Начало ее до нас дошло в основном в зашифрованной пушкинской записи (ПД 170), так как она была посвящена истории заговора, приведшего к восстанию 14 декабря 1825 года. Трудно предположить, что за три недели (с 26 сентября по 19 октября) была создана целая глава романа, если учесть, что в эти дни написано около двух десятков стихотворений, поэма «Домик в Коломне», основная часть полемических заметок, озаглавленных позже «<Опровержение на критики>», а также повести «Выстрел» и «Метель». Скорее всего, накануне он восстановил по памяти ранее (до поездки в Болдино) созданные строфы о «Владыке слабым и лукавом», а заново дописал лишь три строфы исторической хроники, известные в болдинских черновиках.

28 ноября 1830 г. датируется предисловие к последним главам:

Вот еще две гл<авы> Евгения Онегина — последние, по крайней <мере>, для печати <...> Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу

¹ Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974. С. 7–8.

я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны... (VI, 541)

Годом позже глава «Странствие» будет все же исключена из окончательного текста романа, и девятая глава (став теперь восьмой, последней) еще раз переработана.

С самого начала Пушкин предполагал в романе двигаться в жизни синхронно с героями, сравнивая постоянно судьбы их со своей судьбой.

В Болдине произошла существенная переакцентировка в лирической стихии романа. Теперь поэт следит за героями из иной исторической эпохи, подчас вводя в повествование некоторые бытовые реалии конца 1820-х гг., но не исправляя невольно допущенные анохронизмы.

Внутренняя хронология романа была вычислена в комментарии Н. Л. Бродского. Вслед за Р. В. Ивановым-Разумником² он отталкивался от замечания автора в предисловии к первой главе романа: «Она в себе заключает сатирическое описание пет^{ер}бургской жизни молодого русского, в конце 1819 года» (VI, 527).

В романе, — писал Н. Л. Бродский, — разбросаны хронологические указания, которые дают возможность точно определить главные моменты в жизни Евгения. Онегин родился около 1796 г., лет шестнадцати «окончил курс своих наук» — это было в 1812 г., через 8 лет он бросил свет и летом 1820 г. поселился в деревне. С 1820 г. по весну 1825 г. тянется действие романа.³

Эта хронология, с некоторыми оговорками, была принята в комментариях и В. В. Набоковым, и Ю. М. Лотманом. Однако ряд современных авторов, заметив некоторые противоречивые на этот счет детали текста, действие последних глав романа перенесли в конец 1820-х гг.,⁴ забыв предупреждение Пушкина, высказанное еще в конце первой главы:

² См.: *Иванов-Разумник Р. В.* Соч. Пг., 1916. Т. 5. С. 57.

³ *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. 5-е изд. М., 1964. С. 38.

⁴ См.: *Баевский В. С.* Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 115–430; *Кожевников В. А.* «Вся жизнь, вся душа, вся любовь...». М., 1993. С. 89–103; *Кошелев В. А.* «Онегина» воздушная громада...». 2-е изд. Большое Болдино; Арзамас, 2009. С. 160–183. *Старк В.* Внутренняя хронология романа «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. СПб., 2013. С. 343–344.

Пересмотрел все это строго;
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу...
(VI, 30)

В главе «Странствие» изначально намеченная автором хронология романских событий была недвусмысленно подтверждена: «Я жил тогда в Одессе пыльной...» — в то время когда Онегин начал свое путешествие,⁵ — а следовательно, «он возвратился и попал, / Как Чацкий, с корабля на бал» (VI, 171) в 1824 г., и «зимовал он как сурок» (VI, 185) до весны 1825 г.

«Письмо Онегина», написанное в 1831 г., подчеркнуло зеркальную композицию романа, что до некоторой степени скрадывало неравномерность двух его частей, а главное — позволяло оценить пристрастную несправедливость заключительных обвинений героини и несвойственные преждему Онегину безрассудство, отчаянность его поведения: он способен теперь довериться живому чувству, преступить прежде незыблемые для него нормы света. Переосмысление онегинского типа (его трагедийная интерпретация) было связано с историческим опытом автора романа. Духовно Онегин, как это стало понятно лишь теперь, принадлежал к лучшим людям поколения 1820-х годов.

Перспектива иного завершения романа брезжила еще в конце 1820-х гг.: в походной палатке во время Арзрумской кампании поэт, по свидетельству очень точного в своих воспоминаниях М. И. Юзефовича, объяснил «довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».⁶ Ю. М. Лотман полагал, что Пушкин «рассказывал на Кавказе в 1829 г. о своих уже оставленных замыслах (видимо, речь шла об оставленном варианте седьмой главы), переносить эти рассказы на десятую главу, о которой Пушкин в 1829 г. не мог думать, у нас нет достаточных оснований <...> предположение, что Пушкин в 1829 г. почти посторонним людям рассказал некоторый сюжет, а через полтора года стал его же «перелагать» в стихи, подразумевает полное непонимание психологии творчества Пушкина, который редко импровизировал в устной форме и из незаконченного делился лишь замыслами, уже оставленными бесповоротно. Как

⁵ Строфы из «Странствия» (а в их составе и отмеченная строка) были напечатаны в авторских «Примечаниях» в изданиях 1833 и 1837 гг. полного текста романа (VI, 201).

⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 107.

источник реконструкции не дошедшей до нас части сюжета десятой главы воспоминания следует решительно отвести».⁷ Суждение, на наш взгляд, слишком категоричное. Заметим, что в походной палатке присутствовал и Н. Н. Раевский, с которым поэт раньше делился замыслами своих драматических произведений. Да и о будущей судьбе Татьяны, после разлуки с Онегиным, Пушкин рассказывал заинтересованным читательницам.

Именно на лирическом уровне объяснен последний поступок героини, о котором много споров: «Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» (VI, 188). Только ли о супружеской верности здесь идет речь? Если так, то, подобно Толстому, здесь можно было только удивляться.⁸ Или же издеваться, подобно Писареву.

В конце романа замечено: «А та, с которой образован / Татьяны милый Идеал... / О много, много Рок отъял» (VI, 190). Пушкин точно обозначил, что он имел в виду. В 1827 г. в журнале «Московский телеграф» было напечатано следующее рассуждение:

В эти два года много пролетело и исчезло тех резвых мечтаний, которые веселили нас в былое время. <...> Смотрю на круг друзей наших, прежде оживленный, веселый, и часто <...> с грустью повторяю слова Сади (или Пушкина, который нам передал слова Сади): *Одних уж нет, другие странствуют далеко!*⁹

Автор этого пассажа, П. А. Вяземский, немедленно получил выговор. Д. Н. Блудов, товарищ министра народного просвещения, патетически восклицал: «Я не могу поверить, что вы, приводя эту цитату, и говоря о друзьях умерших или отсутствующих, думали о людях, справедливо пораженных законом; но другие сочли именно так, и я представляю вам самому догадываться, какое действие способна произвести эта мысль».¹⁰

⁷ Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 725.

⁸ Со слов дочери Карамзина Л. Н. Толстой передавал, что развязка романа была для самого поэта неожиданностью: «Моя Татьяна поразила меня, она отказала Онегину. Я этого совсем не ожидал» (У Толстого. 1904—1910: «Яснополяские записки» Д. П. Маковского // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90, кн. 1. С. 143). Есть и иная версия, также записанная собеседником Льва Николаевича; она напоминает первую, но речь в ней идет о другом моменте онегинского сюжета — о замужестве Татьяны: «Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она — замуж вышла! Этого я никак не ожидал от нее» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. [М.], 1960. Т. 1. С. 296).

⁹ Московский телеграф. 1827. Ч. 13, № 1. С. 9; об авторстве см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 159.

¹⁰ Цит. по: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. С. 158.

Пушкин не мог не знать этой истории. Не мог он и не понимать, как упоминание об «иных» будет воспринято читателями. Автор «Евгения Онегина» именно на такое «действие» и рассчитывал. Потому что тема женской верности после декабрьской эпохи — это было нечто великое. Действие романа обрывалось на пороге событий 14 декабря.

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый Идеал...
О много, много Рок отъял!
Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

(VI, 190)

Лирическая аура романа осталась там, в прежней эпохе, где был дружественный читатель, подобно недопитому бокалу вина, упомянутому в одной из предыдущих глав:

Но ты, *Бордо*, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ навсегда, везде,
Готов нам оказать услугу,
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует *Бордо*, наш друг!

(VI, 92)

Дружественным ощущением пронизаны первые главы романа. Ныне же:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.

(VI, 189)

С. А. Фомичев